

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №1, Том 10 / 2019, No 1, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK119.pdf>

Статья опубликована 11.03.2019

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лядский В.Г. Топонимы и этнонимы в составе идиоматических выражений: сравнительный анализ на материале европейских языков // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Lyadskiy V.G. (2019). Toponyms and ethnonyms in the composition of idiomatic expressions: a comparative analysis on the material of European languages. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK119.pdf> (in Russian)

УДК 80

Лядский Владимир Георгиевич

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия

Доцент факультета «Международных отношений и геополитики»

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия

Старший преподаватель факультета «Иностранных языков и регионоведения»

E-mail: ladski_v@mail.ru

Топонимы и этнонимы в составе идиоматических выражений: сравнительный анализ на материале европейских языков

Аннотация. В данной статье анализируются идиоматические выражения (фразеологизмы), в состав которых в качестве опорного смыслового компонента входят топонимы (наименования географических объектов) и этнонимы (названия национальностей). Автором исследуются основные закономерности формирования таких выражений и выявляются их структурные особенности. Проводится межязыковой сравнительный анализ идиоматических выражений методом сопоставления их содержания и формы. Материалом для анализа послужил фразеологический фонд основных европейских языков, в первую очередь французского, английского и немецкого. В эпоху усиливающихся процессов глобализации географические границы между странами становятся понятием все более условным, как сегодня принято говорить, виртуальным. Вместе с тем существование границ другого рода, границ этнических, границ, надежно закрепленных в сознании и в культуре носителей национальных языков, продолжает оставаться неоспоримой реальностью. Наличие таких межкультурных границ обусловлено самим фактом сохранения национальных языков, сохранением специфических различий национальных менталитетов, уникальных и неповторимых языковых картин мира. В лингвистике выражения, подобные приведенным выше, относятся к категории идиоматических. Идиоматические выражения, или, другими словами, фразеологизмы, определяются как устойчивые словосочетания с самостоятельной семантикой. Главнейшей их особенностью является невозможность расчленения целого на составные части, так как значение фразеологизма не выводится из значения входящих в его состав слов. В данной статье автор сосредоточил свое внимание лишь на тех идиоматических выражениях, в состав которых входят этнонимы (наименования национальностей) и топонимы (наименования географических объектов).

Ключевые слова: идиоматические выражения; фразеологизмы; идиомы; топонимы; этнонимы; ойконимы; хоронимы; урбанонимы; европейские языки

В эпоху усиливающихся процессов глобализации географические границы между странами становятся понятием все более условным, как сегодня принято говорить, виртуальным. Вместе с тем существование границ другого рода, границ этнических, границ, надежно закрепленных в сознании и в культуре носителей национальных языков, продолжает оставаться неоспоримой реальностью. Наличие таких межкультурных границ обусловлено самим фактом сохранения национальных языков, сохранением специфических различий национальных менталитетов, уникальных и неповторимых языковых картин мира [2].

Да, конечно, существует и некий общекультурный пласт, сформировавшийся на протяжении многовековой истории сосуществования национальных языков и культур в пределах общего и изначально достаточно узкого географического пространства. Да, всем и каждому будет понятна, к примеру, поговорка «Все дороги ведут в Рим» (*Tous les chemins mènent à Rome*, франц.), получившая широкое распространение практически во всех европейских языках благодаря французскому баснописцу Жану де Лафонтену (1621–1695), после появления и перевода на другие языки его басни «Третейский судья, брат милосердия и пустынный». ¹ Однако, и именно об этом пойдет речь в этой статье, в каждом языке существуют фразеологизмы (идиоматические обороты) и другого рода – выражения, присущие лишь данному конкретному языку и непонятные пословно носителям других языков. К примеру, только французы «знают», что выражение «Поезжайте в гости к грекам» (*Allez vous faire voir chez les Grecs*) является вовсе не приглашением посетить родину Олимпийских игр, а достаточно жестко сформулированным требованием избавить компанию от своего присутствия (что-то вроде русского пожелания «сходить в баню»). ² Недостаточно хорошо знающие испанский язык вряд ли догадаются, что именно представляют собой испанцы, «изображающие шведов» (*hacerse el sueco*, исп., притворяться неосведомленным), а не владеющие в полной мере румынским языком вряд ли поймут, чем же конкретно занимается человек, «укрававший курительную трубку у немца» (*a fura luleana neamțului*, рум., пьянствовать). Не совсем понятно для того, кто не знаком с историей англо-голландских отношений, будет и то, чем же так «насолили» британцам жители Нидерландов, если о человеке, болтающем всякую ерунду, англичане скажут, что он говорит «на двойном голландском» (*double Dutch*), а любителя давать советы тогда, когда его об этом не просят, назовут «голландским дядюшкой» (*Dutch Uncle*). ³

В лингвистике выражения, подобные приведенным выше, относятся к категории идиоматических. Идиоматические выражения, или, другими словами, фразеологизмы, определяются как устойчивые словосочетания с самостоятельной семантикой [4]. Главнейшей их особенностью является невозможность расчленения целого на составные части, так как значение фразеологизма не выводится из значения входящих в его состав слов. Разбиение

---

¹ Определенным подтверждением сказанному может служить ситуация, описанная Л.Н. Толстым в романе «Война и мир», когда посол императора Александра Балашов на вопрос Наполеона, какая дорога ведет в Москву, отвечает: «Как всякая дорога, по пословице, ведет в Рим, так и все дороги ведут в Москву».

² Интересно отметить, что выражение «*Envoyer quelqu'un au bain*» (послать кого-либо в баню, франц.) существует в таком же значении и во французском языке: дать кому-либо понять, что его присутствие является нежелательным.

³ Неприязнь англичан к голландцам объясняется при этом очень легко, если вспомнить события 17 и 18 веков, когда этим двум странам пришлось немало повоевать друг с другом, и в первую очередь на просторах морей и океанов, за мировое экономическое господство. Любопытно при этом другое – в голландском языке не обнаруживаются идиоматические выражения, выставляющие англичан в невыгодном для них свете.

фразеологизма на части и дословное воспроизведение их средствами какого-либо другого языка невозможно в принципе, это будет всего лишь лишенный всякого смысла набор слов. Составитель толкового словаря русского языка С.И. Ожегов указывает, что приобретение единого смысла и несущественность синтаксической связи слов для значений целого и делают словосочетания фразеологической единицей, в которой «целостность значения господствует над синтаксической раздельностью» [5], а профессор А.А. Реформатский справедливо называет фразеологизмы «несвободными словосочетаниями» [4]. Возьмем, например, всем известный фразеологизм русского языка «Когда рак на горе свистнет». Здесь значения отдельных слов «рак», «гора» и «свистеть» не выражают их суммарного, образного смысла – «момент времени, который никогда не наступит».

Наличие в языке идиоматических выражений придает речи колорит и особую выразительность. Идиомы (от греческого слова «idios» – своеобразный), то есть своеобразные выражения, неразрывно связаны с национальной культурой, менталитетом и образом жизни носителей языка, историей региона. Французский лингвист Морис Гросс [8] называет «идиотизмами» (idiotismes)⁴ устойчивые словосочетания, которые невозможно перевести на другой язык дословно. Такие обороты (поговорки, пословицы) несут социокультурную нагрузку, они не только позволяют выразить смысл, но и передают уникальный характер языковой картины мира, присущей носителям данного конкретного языка.

Идиоматические выражения накапливаются в языке на протяжении столетий, какие-то из них забываются, время от времени рождаются новые, их количество постоянно растет. Идиомы используются как в литературе, так и в быту, периодически издаются сборники идиом. Начало коллекционированию фразеологических оборотов положил великий гуманист Средневековья Эразм Роттердамский, а знаменитый фламандский художник Питер Брейгель Старший даже написал картину под названием «Фламандские пословицы» (1559 г.), на которой он изобразил людей, реализующих буквальное значение фламандских идиом (всего на этой картине найдено и расшифровано 112 идиоматических выражений, таких, как, например, «вооружиться до зубов», «стучаться головой о стену», «плыть против течения»). Множество фразеологических оборотов можно найти и в сатирическом романе французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533 г.).

В данной статье мы сосредоточим наше внимание лишь на тех идиоматических выражениях, в состав которых входят этнонимы (наименования национальностей) и топонимы (наименования географических объектов). Среди последних принято выделять ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (названия городов) и хоронимы (названия стран).

В принципе, в любом языке употребление названий стран, национальностей, регионов и населенных пунктов преследует двойную цель: объективную и субъективную. В первом случае использование этнонимов и топонимов не приводит к формированию идиоматических оборотов, а служит лишь для указания на происхождение того или иного явления или предмета, то есть описания его этнической или территориальной принадлежности. Говоря, например, «берлинская лазурь» (краска светло-синего цвета), «немецкая овчарка», «персидский кот» (порода собак, кошек), мы всего лишь указываем на специфические особенности данной краски или данной породы животных. В словосочетаниях «швейцарский сыр» или «немецкая педантичность» прилагательное объективно указывает на географию происхождения продукта (сыр из Швейцарии) или типичную черту характера (немцы – известные педанты).

---

⁴ В лингвистике идиотизмами принято называть языковые конструкции, свойственные данному языку и не имеющие синтаксического соответствия в другом языке. Так, например, французский оборот «Comment allez-vous?» (Как у вас дела?) соответствует по содержанию, но не по форме, английскому «How do you do?» Именно в этом смысле в лингвистике используются такие понятия, как эллинизм, латинизм, галлицизм, англицизм, германизм, испанизм и т. п.

Употребленное таким образом прилагательное «английский», например, будет иметь конкретный, прямой смысл, а именно «относящийся к Англии и англичанам, свойственный, характерный для этой страны и этой нации, принадлежащий Англии и англичанам, созданный в Англии или англичанами».

В рамках данного небольшого исследования мы не будем рассматривать подобные случаи объективного использования этнонимов и топонимов, а постараемся проанализировать их субъективную функцию, обеспечивающую дополнительно возникающую коннотацию в составе того или иного идиоматического выражения. Так, «Иерихонская труба», к примеру, будет не просто трубой из библейского предания об осаде города Иерихон, от звука которой рухнули укрепленные городские стены, но и характеристикой издаваемого звука (очень громкий) или человеческого голоса (очень низкий). Такие дополнительные коннотации позволяют говорящему выразить свое собственное эмоционально окрашенное отношение к предмету речи, к описываемым явлениям или событиям, к поступкам и действиям других людей. Использование в речи нерасчленимых идиоматических выражений придает ей не только особую выразительность, но зачастую и лаконичное изящество.

Как отмечает Р.С. Гаманенко, идиоматические обороты присущи любому языку, они являются ярчайшим примером особенного, самобытного и неповторимого взгляда на окружающий мир и представляют собой «один из основополагающих компонентов специфической языковой картины мира, находящей свое выражение в национальном языке» [1]. Так, поляки, не понимающие смысла происходящего, говорят, что они «смотрят чешский фильм» (*czeski film*), а опечатку в набираемом на компьютере тексте называют «чешской ошибкой» (*czeski błąd*). Так же, как и русские, поляки характеризуют безупречность функционирования какого-либо механизма, сравнивая его со швейцарскими часами (*chodzić jak w szwajcarskim zegarku*). Так же, как и русские, поляки отмечают «английскую флегматичность» (*angielska flegma*). Однако такие случаи одинаковости образного мышления поляков и русских представляются скорее исключением, чем правилом. Поймем ли мы, воспользовавшись обычным словарем, что означают такие выражения, как «французская собачка» (*francuski piesek*, легкоранимый эмоциональный человек), «итальянская забастовка» (*strajk włoski*, замедленный ритм выполнения какого-либо задания), «голый как турецкий святой» (*goły jak święty turecki*, говорится о человеке без копейки денег в кармане), «притворяться греком» (*udawać greka*, притворяться неосведомленным).

Подобные примеры можно найти и в других языках. Обратимся к итальянскому языку. Здесь мы находим присущее, видимо, всем европейским языкам сравнение точности со швейцарскими часами (*puntuali come un orologio svizzero*, пунктуальные как швейцарские часы). Вместе с тем оборот «прикидываться португальцем» (*fare il portoghese*, ездить зайцем) вряд ли будет нам понятен. Если итальянец захочет сказать, что справедливость обязательно восторжествует, он сможет выразить это следующими словами – «с'è un giudice a Berlino» (всегда найдется судья в Берлине). А выражение «курить как турок» (*fumare come turchi*) будет означать «дымить как паровоз».

Для испанцев притворяться не знающим, о чем идет речь, означает «изображать из себя шведа» (*hacerse el sueco*), пьянствовать – «пить как немец» (*beber como un tedesco*), а уйти не прощаясь – «уйти по-французски» (*despedirse a la francesa*). Португальцы сравнивают живущего в необычайной роскоши человека или с испанским грандом, или с французом (*à grande e à francesa*), а возможность найти компромиссное решение с возможностью «помирить греков и троянцев» (*agradar a gregos e troianos*). Так же, как и французы, смущаясь, португальцы «теряют свою латынь» (*perder o latin*) и знают, что неспособность хорошо говорить на языке Мольера и Гюго равнозначна умению «говорить по-французски как испанская корова» (*falar francês como una vaca espanhola*) [7].

В изобилии идиомы встречаются и в немецком языке. Сказать «Эй, старый швед!» (Na, alter Schwede!) это значит просто-напросто поприветствовать своего приятеля, а сравнить свою жизнь с жизнью Бога во Франции (Wie Gott in Frankreich) означает охарактеризовать свое существование самыми лестными словами. Растерянный и плохо ориентирующийся в ситуации немец скажет о том, что его окружает: «Для меня это просто богемские деревни» (Das sind böhmisches Dörfer für mich), а о чем-то непонятном – «это звучит как испанская речь» (das kommt mir Spanisch vor). Для немцев оказаться в тюрьме означает «оказаться за шведскими шторами» (hinter schwedischen Gardinen), а нахождение в трудном положении будет равносильно сравнению с тем, что происходит в настоящий момент в Голландии (Dann ist Holland jetzt in Not). Катастрофичность какой-либо ситуации оказывается сравнимой для немцев с «открытостью» Польши (Dann ist Polen offen), а манера расставаться без слов прощания с соответствующей привычкой тех же поляков (einen polnischen Abgang machen). Немецкоязычные австрийцы, которые без труда понимают и сами употребляют практически все идиомы жителей Германии, имеют и свои собственные, весьма забавные фразеологизмы. К примеру, крайнюю степень возмущения австрийцы сравнивают с необычайной раздражительностью хорватов. Выражение «Не зли меня!» можно выразить в Австрии словами «Не делай из меня хорвата!» (Moch mi net krawatisch!). И в целом все неблагоприятное возможно сравнивать в этой стране с ситуацией на Балканах (Wir sind ja nicht am Balkan!) [11].

Как мы видим, в плане идиоматичности от языка к языку прослеживаются значительное разнообразие и самобытность. При этом важно подчеркнуть, что одна и та же идея может быть выражена в разных языках по-разному. Возьмем в качестве примера ситуацию, в которой кто-то уходит не попрощавшись, тайком. Русские и французы в этом случае скажут «Он ушел по-английски», англичане и испанцы – «Он ушел по-французски», а немцы – «Он ушел по-польски».

Вместе с тем, в области идиоматики в европейских языках существует и немало общего. В частности, значительный пласт фразеологизмов сформировался на основе библейских текстов, исторических фактов и произведений литературы. Как правило, здесь однотипные идиомы обнаруживаются в одинаковой или очень близкой синтаксической форме.

«Это Содом и Гоморра» (C'est Sodome et Gomorrhe, франц., It's a Regular Sodom, англ., Es ist ein wahres Sodom und Gomorra, немец.) в значении «это безнравственно, это распущенность, разврат», а также производные от названия города Содом – «содомия», («sodomie», франц., «sodomy», англ., «Sodomiterei», немец.).

«Филистер» (Philistin, франц., Philistine, англ., Philister, немец.) – человек с узкими, обывательскими взглядами.

«Добрый самаритянин» (jouer au bon Samaritain, франц., to be a good Samaritan, англ., den barmherzigen Samariter spielen, немец.) в значении «бескорыстный, добрый человек, способный на самопожертвование».

«Аркадский» (arcadien, франц., arcadian, англ., arcadish, немец.) в смысле «идиллический, относящийся к Аркадии, счастливой мифической стране, жители которой, простые пастухи и пастушки, отличались патриархальной простотой нравов». Именно они изображены на знаменитой картине французского художника Николя Пуссена «Аркадские пастухи» (1655 г.): несколько пастухов и пастушек, заведомо счастливо и беззаботно живущих в благословенной Богом Аркадии, разглядывают могильное надгробье, на котором можно прочитать сказанные от лица смерти и ставшие афоризмом латинские слова – «Et in Arcadia ego [sum]» (Даже и здесь в Аркадии я [существую]).

«Аттический» (sel attique, франц., Attic salt, англ., attishes Salz, немец.) в значении «изысканный, утонченный; ироничная, утонченная манера выражения».

«Лесбийский» (lesbien, франц., lesbian, англ., Lesbierin, немец.) то есть «характерный для взаимного полового влечения женщин», от названия греческого острова Лесбос.

«Марафонский бег» (marathon, франц., marathon race, англ., Marathonlauf, немец.) в значении «бег на дальние дистанции» от названия греческого города Марафон.

«Вандал» (Vandale, франц., Vandal, англ., Vandale, немец.) в смысле «варвар, некультурный циничный разрушитель», от названия германского племени, завоевавшего часть Римской империи и подвергнувшего Рим разрушению и разграблению.

«Идти в Каноссу» (aller à Canossa, франц., to go to Canossa, англ., nach Canossa gehen, немец.) в значении «унижаться, пресмыкаться». В этом выражении, известном в русском языке еще и как «хождение в Каноссу» и понимаемом как «акт покаяния и покорности», упоминается эпизод из истории средневековой Европы, связанный с победой римского папы Григория VII над императором Священной римской империи Генрихом IV.

«Какая-то в державе датской гниль»⁵ (Something is rotten in the state of Danmark, англ., Il y a quelque chose de pourri dans le royaume de Danemark, франц., Etwas ist faul im Staate Danemark, немец.) – фраза, которую произнес Марцелло, наблюдавший за встречей тени короля с Гамлетом в трагедии У. Шекспира «Гамлет», стала крылатым выражением, потерявшим свой первоначальный буквальный смысл и сегодня широко применяемым для оценки неблагоприятного состояния дел.

Французы, англичане, немцы и русские однозначно понимают выражения, использующие хороним «Богемия». «Богемный образ жизни» в русском, «Mener une vie de bohème» во французском, «To lead a Bohemian life» в английском, «Ein Bohemeleben führen» в немецком подразумевают характеристику праздной, беспечной жизни, не имеющей устойчивого материального обеспечения.

Вместе с тем многие идиомы, широко представленные в западноевропейских языках, отсутствуют в русском. Например, выражение «S'endormir dans les délices de Capoue», франц., и «To sink in Capuan luxury», англ. (буквально – «почивать в роскоши итальянского города Капуя»), понимаемое как «расслабление, легкие радости», не имеет топонимического эквивалента в русском и немецком языках. Мысль, которая может быть выражена в русском языке поговоркой «Что имеем не храним, потерявши плачем», имеет разнообразные топонимические эквиваленты в других языках: во французском – «Regretter les ognons d'Egypte» (буквально – сожалеть о египетском луке), английском – «To sigh for the fleshpots of Egypt» (буквально – вздыхать о египетском богатстве), немецком – «Sich nach den Fleischtöpfen Ägyptens» (буквально – сожалеть о египетской роскоши). Русское прилагательное «вавилонский» (а также его французский и английский аналоги – «babylonien, babylonian») может быть понято в смысле «гигантский, огромный», тогда как в немецком языке прилагательное «babylonish» имеет значение «помпезный». И еще пример. Выражение «Москва не сразу строилась» в западноевропейских языках базируется на основе другого урбанонима – Рим («Rome ne s'est pas faite en un jour», франц., «Rome was not built in a day», англ., «Rom ist nicht an einem Tage erbant worden», немец.) [12].

Да и вообще среди идиоматических выражений более позднего происхождения редко встречаются такие, в которых один и тот же топоним присутствует с равноценной символикой в большинстве языков европейских стран. Например, понятие «ростовщик» может быть выражено во французском, английском, немецком языках через этноним «еврей» (Juif, франц.,

---

⁵ Помимо приведенного выше перевода Бориса Пастернака («Какая-то в державе датской гниль») существуют и другие варианты перевода на русский язык этой строки Шекспира: «Неладно что-то в датском королевстве» (А.И. Кронеберг), «Подгнило что-то в датском государстве» (М.Л. Лозинский).

Jew, англ., Jude, немец.), тогда как в русском языке этого не произошло. Французское существительное «lombard», английское «lombard», немецкое «Lombarde» понимаются как «меняла», а в русском языке этот этноним служит для наименования заведения, принимающего ценности в обмен на деньги. Идиома, построенная на переключке прямого и переносного значения слова «corne» (рог на голове у животного) и означающая во французском и английском языках «наставить рога, изменить мужу» (*envoyer en Cornouailles, to send to Cornwall*), не имеет аналога в русском и немецком языках по причине отсутствия соответствующего корню «корн» (*corn*) топонима.⁶ Точно так же обстоит дело и с такими выражениями, как «*en file indienne*», франц., «*in Indian file*», англ. (гуськом) и «*châteaux en Espagne*», франц., «*castles in Spain*», англ. (несбыточные мечты). Вместе с тем такие идиомы, как «отложить до греческих календ» (*aux calendes grecques, француз., on the Greek calends, англ.*) в значении «отложить навсегда» и «сиамские близнецы» (*frères siamois, француз., Siamese twins, англ.*) в значении «неразлучные друзья» будут понятны и русскому, и французу, и англичанину, но не будут понятны носителю немецкого языка.⁷⁷

Кроме того, следует подчеркнуть, что в большом количестве случаев символика, используемая в европейских языках, различается, а совпадает лишь сам принцип построения идиомы. «Это для меня китайская грамота» говорят русские и французы о чем-то совершенно непонятном (*C'est du chinois pour moi, француз.*). Англичанин же в этом случае скажет «*It's all Dutch to me*» («голландская» грамота), а немец – «*Das sind mir böhmische Dörfer*» («богемская» грамота). Уйти не попрощавшись для француза – это уйти по-английски (*filer à l'anglaise, француз.*), а для англичанина – по-французски (*to take French leave, англ.*). Для француза человек, рассказывающий небылицы, будет родом из Марселя (*être de Marseille, француз.*), для американца – из Техаса (*to tell Texan tales, англ.*), а для немца – из австрийского городка Винервальда (*geschichten aus dem Wienerwald erzählen, немец.*). Делать что-либо бесполезное в России – это значит ездить в Тулу со своим самоваром, во Франции – продавать ракушки жителям изобилующего ими острова Сент-Мишель (*vendre des coquilles à ceux qui viennent de Saint-Michel, француз.*), в Англии – возить уголь в центр английской угольной промышленности город Ньюкасл (*to carry coals to Newcastle, англ.*), в Германии – возить в столицу Греции сов, птиц-спутниц богини мудрости Афины⁸, изображение которых даже чеканилось на древнегреческих монетах (*Eulen nach Athen tragen, немец.*). Для того чтобы избавиться от назойливого собеседника, французу следует послать его к грекам (*Va te faire voir chez les Grecs!, француз.*), англичанину – в канадский город Галифакс (*Go to Halifax!, англ.*), немцу – в находящийся в земле Гессен в Германии город Кассель (*Ab nach Kassel!, немец.*) [10].

Случаи несхожести онимической символика, а зачастую и самой структуры идиоматических оборотов весьма и весьма многочисленны. Так, крайняя степень удивления или сомнения при оценке чьих-либо действий выражается в английском и немецком языках по-разному и посредством различных этнонимов: «*That beats the Dutch!*», англ. (дословно – Это

⁶ Вместе с тем следует отметить, что латинский корень «корн» известен и в русском языке. Он, в частности, встречается в существительном «корнет» (изначально это слово употреблялось в армии для обозначения человека, трубившего в рог и передающего таким образом указания командования, а впоследствии стало использоваться как воинское звание).

⁷ Первое из этих выражений построено на том, что у древних греков не было календаря, то есть не было никаких календ, в отличие от римлян, месяц у которых имел три рубежные отметки – календы (первое число месяца), ноны (7–9 день) и иды (13–15 день). Во втором выражении используется топоним Сиам (прежнее название Таиланда), где в 19 веке родилась самая, пожалуй, знаменитая пара близнецов, сросшихся хрящами грудной клетки, проживших 63 года и умерших в один день. Широкую известность приобрели, выступая в течение многих лет в цирке.

⁸ Поэтому, кстати, сова и была выбрана эмблемой всем известной российской телевизионной передачи «Что? Где? Когда?».

превосходит даже голландцев!), «Das haut den stärksten Eskimo vom Schlitten!», немец. (дословно – Даже самый сильный эскимос упадет с саней). Название картофеля обыгрывается в английском языке словами «Irish grapes» (ирландский виноград), в немецком – «Preußische Beilage» (пруссский гарнир). О невнятно произносящем слова человеке можно сказать по-английски «to talk double Dutch» (говорить на двойном голландском), а по-немецки – «kan der Welsch reden» (говорить так, как может говорить лишь франкоязычный житель Швейцарии). Говоря о чем-то незначительном, не соответствующем нашим ожиданиям, француз скажет «Ce n'est pas le Pérou» (Это не Перу), а немец – «Damit wirst du nicht Amerika machen» (Этим Америку не откроешь). Для того, чтобы охарактеризовать взгляд человека как пристальный, испытующий, французы употребляют идиому «œil américain» (американский глаз), а немцы – «Deutscher Blick» (немецкий взгляд). Говоря о том, что в доме все перевернуто вверх дном, французы используют хороним «Богемия» (maison de Bohème, франц. – дом в Богемии), а немцы – хороним «Польша» (polnische Wirtschaft, немец. – польская экономика). Кстати сказать, в русском языке в этом же значении употребляется название иудейского города, в котором родился Иисус Христос, – Вифлеем (Bethlehem), от которого произошло существительное «бедлам»⁹. И еще один древнеизраильский урбаноним, Капернаум, стал нарицательным и употребляется сегодня во французском языке для обозначения хаотического, беспорядочного нагромождения вещей. В этом значении существительное «saphernaüm» родилось в языке с легкой руки (или, вернее сказать, «под легким пером») знаменитого французского писателя Оноре де Бальзака в повести «Феррагус, вождь деворантов» (1833 г.).¹⁰

Приведем еще примеры несоответствий топонимической и этнонимической структуры идиоматических выражений. Человек гордый, надменный удостоится во французском языке сравнения с шотландцем (fier comme un Ecosais), а в немецком языке – с испанцем (stolz wie ein Spanier). Образ гроба сравним для француза с еловой курткой (canadienne de sapin), а для американца – с чикагским пальто (Chicago overcoat). В ситуации, когда количество начальников превышает число подчиненных, француз прибегнет к сравнению с боливийской армией (C'est l'armée bolivienne, франц. – это боливийская армия), а англофон – с индейцами и сформулирует это так: «All chiefs, no Indians!» (Все вожди, нет индейцев!). О некоем очень дальнем родственнике француз скажет, что он из Бретани (cousin à la mode de Bretagne), а англичанин – из Кента (Kentish cousin). Бретань будет упомянута французами и в случае необходимости отметить сильную степень опьянения (palu breton), англичанин же и в этой ситуации не преминет указать на все того же несчастного голландца (Dutchman's headache). Для француза хитрый человек, который «себе на уме» и который никогда ничего не говорит напрямую, всегда будет родом из Нормандии (c'est un fin Normand, франц. – это хитрый норманец, réponse normande, франц. – уклончивый ответ), а для англичанина – из Йоркшира (he's as cunning as a Yorkshireman). Поцелуй «взасос» называется по-французски флорентийским (baiser florentin), а по-английски – французским (French kiss).

Подобные примеры можно было бы продолжать до бесконечности, их очень много. Но всем им присуща одна любопытная общая черта – если тот или иной язык создает идиоматическое выражение, использующее образ иностранца (чужака, постороннего), то, как правило, это делается совсем не для того, чтобы подчеркнуть некие достоинства обобщенного представителя другой нации или другого региона. Случаи положительной коннотации

⁹ Как известно, на момент приезда в этот город (для участия в переписи населения) беременной Иисусом Марии и ее мужа Иосифа гостиницы были наводнены людьми и на улицах царил настоящий хаос.

¹⁰ Слово «капернаум» было известно и в дореволюционной России, оно использовалось как синоним словосочетания «публичный дом». Неудивительно поэтому, что оно встречается и в русской литературе: героиня романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Соня Мармеладова, образ которой писатель сравнивал с образом раскаявшейся библейской грешницы из галилейского города Магда близ Капернаума Марии Магдалины, снимала квартиру у портного по фамилии Капернаумов.

встречаются достаточно редко (например, во-французском: *oncle d'Amérique* (богач), *fort comme un Turc* (силач); в английском: *French curves* (французская утонченность). Обычно же использующие этнонимы фразеологизмы носят откровенно уничижительный (пежоративный) характер, высмеивающий или выставляющий напоказ некие реальные или приписываемые тому или иному народу недостатки. Так, например, французы считают, что ссориться из-за пустяков и громко отрываться во время еды могут только немцы (*querelle d'Allemand, soupir d'Allemand*), что кривые зубы бывают только у англичанок (*dents d'Anglaise*), что именно англичанам присуща манера уходить не прощаясь (*filer à l'anglaise*), что испанцев сильный и неприятный акцент, сравнимый с мычанием коровы (*parler français comme une vache espagnole*), что боль, возникающая при нечаянном ударе локтем о твердый выступ, сравнима с неприятностями, причиняемыми «этими самими» евреями (*se faire un petit juif*), что поляки – беспробудные пьяницы (*boire comme un Polonais*), что швейцарцы – это толстопузые (*ventre à la suisse*), напивающиеся только в одиночку (*faire Suisse*), тупоголовые люди (*n'entendre pas plus raison qu'un Suisse*). Англичане, в свою очередь, уверены, что уходят не прощаясь только французы (*to take French leave*), которые к тому же являются любителями «грязных» (порнографических) картинок (*French prints*), что голландцы (ох уж эти голландцы!), как, кстати, и греки, пьют запоем (*merry as a Greek, as drink as a Dutchman*) и, кроме того, являются людьми, склонными к самоубийству (*Dutch act, dutch cure*), всегда преследующими только личную выгоду (*dutch bargain*), поголовно лысыми (*dutch cheese*), неискренними (*dutch consolation, dutch praise*), лишенными музыкального слуха (*dutch concert*), храбрыми только в пьяном виде (*dutch courage*) и такими же, как и немцы толстыми (*big dutch, german goiter*).

Исследуя же включающие в свой состав этнонимы английские идиоматические выражения, мы узнаем, что в зашедшем в тупик деле в первую очередь повинны китайцы (*Chinese deal*), что мексиканцы – плохие спортсмены (*Mexican athlete*), а испанцы – никогда не выполняющие своих обязательств болтуны (*Spanish coin*) и пустомели (*Spanish trumpeter*), что турки – это люди, от которых ничего хорошего ждать не приходится.

По мнению немцев, уходить не прощаясь способны не только поляки, но и французы (*sich französisch Verabschieden*), в чем они солидарны, кстати, с англичанами, а сильное удивление ассоциируется у них с китайцами (*so was lebt in China!*), в чем они солидарны уже с русскими («китайская головоломка»). Да и само слово «китайцы» употребляется в Германии как бранное слово (*Pappchinese*). К воровству, считают немцы, особую тягу испытывают англичане (*englisch einkaufen*), упоминание о голландцах вызывает у немцев потребность в срочном принятии каких-либо мер (*da ist Holland in Not*), а этноним «еврей», напротив, является у них призывом к осторожности и отсутствию спешки (*judische Hast*). Русские представляются немцам большими любителями плотских утех (*scharf wie tausend Russen* – прилипчивые как тысяча русских), а турки – страшными занудами (*Kümmeltürke*) [12].

Уничижительность может проявляться даже в пределах одной страны по отношению к жителям какого-либо, как правило, удаленного региона (вспомните об упоминании нами топонима «Гмутаракань» в качестве синонима к слову «глушь»). Так, во Франции жители Оверни считаются неопрятными и малообразованными (*Auvergnat*), баски – коварными (*tour de Basque* – подножка), жители Шампани – неряхами (*être du régiment de Champagne* – солдатик из Шампани) и глупцами (*quelques moutons et un Champenois font cent bêtes* – несколько баранов и один местный житель составляют отару в сто глупых голов), гасконцы – пустомелями (*promesse de Gascon* – пустое обещание), легко бросающими слова на ветер (*offre de Gascon* – гасконское обещание), нормандцы – людьми, уклоняющимися от прямого ответа на заданный вопрос (*réponse normande* – ни да ни нет).

В Англии неповоротливые увальни живут в Дербишире (*Derbyshire born and bred* – коренной дербиширец), люди вспылчивые – в Ирландии (*to get one's Irish up*), отвечающие

вопросом на вопрос – в Шотландии (Scotch answer – шотландский ответ), преподносящие бесполезные подарки – в Йоркшире (Yorkshire compliment).

В США одеваются старомодно в Делавере (Square from Delaware), а проявляют крайнюю недоверчивость в штате Миссури (to be from Missouri) [9].

Естественно будет предположить, что в пределах одного отдельно взятого языка топонимические идиомы формируются прежде всего на основе названий населенных пунктов и регионов данной конкретной страны. Так, во французском языке в состав идиоматических выражений вошли названия многих крупных и мелких французских городов, однако, причины выбора того или иного названия, зачастую «не лежащие на поверхности», остаются в большинстве случаев для нас совершенно неясными. Поэтому представляется весьма любопытным выявить эти причины (хотя бы в отношении некоторых из них, выбранных наугад из огромного списка урбанонимических идиом), для чего потребуется совершить небольшой экскурс в историю и культуру Франции.

«Jouer les Arlésiennes» (буквально – изображать из себя жительниц города Арля). Это выражение, отдаленным эквивалентом которого мог бы послужить русский фразеологический оборот «А воз и ныне там», употребляется в ситуации долгого и терпеливого ожидания какого-либо события, наступление которого все время откладывается. При формировании данной идиомы был использован созданный воображением французского писателя Альфонса Доде образ девушки из Арля, умершей в ранней молодости, но приезда которой тщетно продолжает ожидать ее несостоявшийся жених, проживающий на другом конце Франции [10].

«Chou pour chou, Abervilliers vaut bien Paris» (буквально – капуста как капуста, Обервилье ничуть не хуже Парижа). Авторство этого выражения, употребляющегося при необходимости указать на одинаковость сравниваемых вещей, приписывается французскому королю Генриху IV, который метко подметил, что капуста, выращенная в Обервилье, нисколько не уступает по качеству капусте из Парижа [10].

«Prendre Paris pour Corbeil» (буквально – принять Париж за Корбей). Этот идиоматический оборот, использующийся для указания на допущенную грубую ошибку, датируется эпохой религиозных войн 17 века, когда протестанты, не сумев разрушить укрепления крошечного городка Корбей, решили отказаться от своих первоначальных планов идти приступом на столицу страны город Париж [10].

«Ça tombe comme à Gravelotte» (буквально – сыплется как в Гравелоте). Это идиома, употребляемая в значении «дождь льет как из ведра», возникла во времена франко-прусской войны 1870 года. В Лотарингии, вблизи городка Гравелот, произошло сражение, во время которого снаряды сыпались на головы солдат так же часто, как капли проливного дождя [10].

«Faire du bruit dans Landerneau» (буквально – наделать шума в Ландерно). Эта идиома родилась под пером французского драматурга Александра Дюваля (18 в.) как постоянно повторяемая и произносимая с трепетом в голосе реплика одного из персонажей пьесы, опасющегося последствий приезда в город Ландерно человека, которого все считали давно умершим [10].

«Revenir de Pontoise» (буквально – вернуться из Понтуаза). В этом городке, являющимся северо-западным пригородом Парижа, в 18 веке неоднократно располагался Парламент Парижа, скрывавшийся от опасностей, подстерегавших его в столице. После возвращения назад парламентарии имели изумленный вид, поскольку за время их отсутствия в Париже происходили значительные перемены. А кроме того, название этого городка очень созвучно французскому прилагательному «pantois», которое переводится как «изумленный, удивленный» [10].

«C'est une vraie forêt de Bondy» (буквально – это же настоящий лес в Бонди». Выражение следует понимать в значении «опасное место, которое следует обходить стороной». Дело в том, что в этом лесу, был убит король Хильдерик из династии Меровингов. Память об этом событии способствовала превращению ойконима Бонди в нарицательное существительное – опасное место, где тебя могут поджидать всякие неприятности [10].

«Il est de Lagny» (буквально – он из Ланьи). Эта идиома, сказанная в чей-либо адрес, понимается в смысле «Он не очень-то торопится». Датируется это выражение временем столетней войны (1337–1453 г.). Впервые оно было употреблено в отношении герцога Бургундского, который, находясь в местечке Ланьи под Парижем не спешил вести активные боевые действия против англичан. Сегодня так принято говорить о человеке вялом и апатичном [10].

Мы привели в качестве примера всего лишь несколько, и может быть, не самых ярких, французских идиоматических выражений, имеющих в своем составе исторический топоним. Интересно при этом особо подчеркнуть, что все перечисленные выше идиомы ничуть не устарели и в наши дни – сегодня их достаточно часто можно услышать в речи тележурналистов, прочитать на страницах газет, встретить в произведениях современных писателей.

Английский язык также изобилует идиоматическими оборотами, в которых смысл высказывания выводится из коннотативного значения топонима. Вот несколько примеров фразеологизмов такого типа: «Go to Bath!» (Иди к черту!), «to take a Burford bait» (пьянствовать), «Cambridge fortune» (распутница), «to send someone to Coventry» (обидеться), «to tip someone the Dublin packet» (смыться) и множество других. Среди названий немецких городов мы находим немало таких, которые легли в основу образных идиом немецкого языка. Это, к примеру, такие идиомы, как «nach Bettenhausen gehen» (ложиться спать), «Bonner Volkswagen» (машины марки «Мерседес 300»), «in Buxtehude wohnen» (жить в глухомани), «ausgehen wie das Hornberg Schiessen» (ничего не добиться).

В немалом количестве идиоматические выражения, основой которых выступают топонимы, представлены и в русском языке: «ехать в Тулу со своим самоваром», «язык до Киева доведет», «казанская сирота», «олимпийское спокойствие», «коломенская верста», «галопом по Европам», гореть как швед под Полтавой», «Москва слезам не верит», «Ташкент – город хлебный», «кричать на всю Ивановскую», «пермяк – соленые уши», «Рязань косопузая», «Одесса – мама, Ростов – папа», «Иваново – город невест», «пролететь как фанера над Парижем». У каждого из этих выражений есть своя история и своя судьба, есть свои причины возникновения [3].

Кроме того, анализируя структурные особенности идиоматических выражений, можно заметить, что основополагающую роль в большом количестве случаев сыграл фонетический образ топонима, игра слов, построенная на перекличке его звучания со звучанием ключевого слова, определяющего общий смысл идиомы. Так, например, в том же французском языке название города Ницца (Nice) совпадает по звучанию с отрицательным местоимением «*niç*» (ничто), употребляемом в альзасском диалекте немецкого языка. Таким образом, оборот «*être niçois*» (быть жителем Ниццы) понимается как «быть никчемным человеком». Приведем еще примеры. Фразеологизм «*aller à Niort*» (поехать в Ниор) имеет значение «отрицать что-либо», поскольку здесь урбаноним созвучен с глаголом «*nieg*» (отрицать), «*aller à Rouen*» (поехать в Руан) понимается как «страдать» в силу близости звучания топонима и существительного «*roue*» (колесо), использовавшегося в средние века в качестве орудия пыток и казни, «*aller en Bavière*» (поехать в Баварию) имеет смысл «пускать слюни» от созвучия с глаголом «*baver*» (пускать слюни), «*aller à Cracovie*» (поехать в Краков) означает «врать» от похожести топонима на простонародное словечко «*sraque*» (враки).

В английском языке можно также найти идиоматические выражения, построенные на игре слов, например, «go to Bedfordshire» (ложиться в постель) от схожести топонима со словом «bed» (постель), «to send to Cornwall without a boat» (наставить рога мужу) от слова «corn» (рог), «to come from Greenland» (быть неопытным) от прилагательного «green» («зеленый», неопытный), «Gravesend bus» (гроб) от игры двух слов «grave» (могила) и «end» (конец), «gone to Moscow» (сдать в залог) от глагола «to mock» (закладывать), «to learn manners in Seville» (учиться хорошим манерам) от похожести топонима на слово «civil» (цивильный), «to come from Tripoli» (споткнуться) от одинакового звучания топонима и глагола «to trip» (спотыкаться), «to be gone to the diet of Worms» (умереть, быть похороненным) от буквального понимания топонима «worms» (черви), «Gomorrah to you!» (доброе утро) от одинаковости звучания выражения с пожеланием доброго утра «Good morning to you!».

В немецком языке обнаруживаются не менее любопытные примеры: «nach Bettenhausen» (ложиться спать) от «bett» (постель), «Cassablanca» (остаться без денег) от слов «Kasse» (деньги) и «blank» (без гроша в кармане), «nach Kissengen gehen» (ложиться спать) от существительного «Kissen» (подушка), «noblenz Koblenz» (волей неволей) от схожести звучания с соответствующим смыслу латинским оборотом «volens nolens», «Oberammergauner» (обманывать) от «Gauner» (мошенник). Следует заметить, что такой способ образования идиом может даже приводить в некоторых случаях к созданию фиктивных топонимов, типа «Dummsdorf (aus Dummsdorfsein)» (из родной деревни), «Kleinkleckersdorf» (родной дом, малая родина), «Nackedonien» (нудистский пляж) [12].

При этом связь топонима с созданным на его основе идиоматическим выражением не всегда очевидна и требует в некоторых случаях предварительного толкования, некоего промежуточного этапа, в ходе которого происходит осмысление сказанного. Например, во французском языке арготическое наименование пальцев руки «francfort» объясняется тем, что пальцы сравниваются с франкфуртскими сосисками (одним из типичных национальных блюд Германии). Или еще такой пример. Передача значения «зловонное дыхание» через идиоматический оборот «avoir les dents plombées au Gorgonzola» (зубы с пломбами из сыра Горгонзола) объясняется запахом этого сыра с плесенью. Французская идиома «morceau de Gruyère» (кусочек сыра Грюйер) описывает пораженное оспой лицо человека, которое сравнивается с сыром, имеющим дырочки и производимым в окрестностях городка Грюйер в Швейцарии. Или такой пример. Обиходное французское название фруктового салата, приготовляемого из нарезанных кусочками фруктов «la macédoine» (буквально – македонский) сформировалось путем сравнения этого блюда с состоявшей из множества мелких государств империей Александра Македонского.

Подводя итог всему вышесказанному, следует в первую очередь отметить, что анализ используемых национальными языками топонимов и этнонимов позволяет выявить специфические особенности национальной культуры и наличие в ней своеобразной культурологической оппозиции, построенной по принципу «свое – чужое», которая оказывается наглядным образом закрепленной в исторически сформировавшейся семантике фразеологических оборотов, содержащих в своем составе в качестве опорного компонента топонимы или этнонимы. Психологические особенности видения окружающего мира обуславливают возникающие в языке оценочные коннотации идиоматических выражений с «культурно-маркированными», по меткому замечанию А.В. Уразметовой [6], топонимами и этнонимами, что приводит как к возникновению устойчивых стереотипов восприятия носителями языка чужой культуры и чужого образа жизни, так и к сохранению в языковом сознании межкультурных границ, незыблемость которых, в отличие от подвижности и условности границ геополитических, не подлежит сомнению.

Вместе с тем приведенные выше многочисленные примеры несовпадения структур идиоматических оборотов, используемых носителями разных языков, и невозможность их расчлененного понимания указывают на необходимость учета этой языковой особенности в процессе перевода для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации и абсолютной адекватности переводимых с языка на язык текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаманенко Р.С. Трактовка понятий «идиома» и «идиоматичность» в отечественной и зарубежной лингвистической литературе // Сб. материалов юбилейной международной конференции, посвященной 200-летию Д.П. Ознобишина (14–15 мая 2004 г.), Т.2. – Инза-Самара: СГПУ – СНЦ РАН, 2004.
2. Золотова Л.М. К проблеме регулярности в сфере фразеологической номинации // Фразеологическая система немецкого и английского языков. М.: Лингвист, 2000.
3. Оганисян Н.С. Онимы в составе фразеологизмов русского языка. Исследовательская работа: Ереванский госуниверситет, Ереван, 2016.
4. Реформатский А.А. Введение в языкознание. Учебник для вузов. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2004.
5. Реформатский А.А. Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) // Вопросы культуры речи. Вып.6. М., 1965.
6. Уразметова А.В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц: на материале английского и французского языков, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук., Уфа, 2006.
7. Dony De Y. *Léxico del lenguaje figurado*. Desclée de Brouwer, Buenos Aires, 1951.
8. Gross M. *Les expressions figées en français. Noms composés et autres locutions*. Ophrys, Paris, 1996.
9. Nikonov N. *Les stéréotypes à travers des expressions imagées avec des noms de nationalités*, Université Libre de Bourgos, Bulgarie, 2010.
10. Pégrier A. *Les noms de lieux en France. Glossaire de termes dialectaux*. IGN, Commission de toponymie, Paris, 2006.
11. Taylor R., Gottschalk W. *A German-English Dictionary of Idioms*, München, Hueber, 1960.
12. Van Hoof H. *Les noms de pays, de peuples et de lieux dans le langage imagé. Volume 44, numéro 2*, Les presses de l'Université de Montréal, juin 1999.

Lyadskiy Vladimir Georgievich
Institute of world civilizations, Moscow, Russia
Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia
E-mail: ladski_v@mail.ru

Toponyms and ethnonyms in the composition of idiomatic expressions: a comparative analysis on the material of European languages

Abstract. This article analyzes idiomatic expressions (idioms), which include toponyms (names of geographical features) and ethnonyms (names of nationalities) as a reference semantic component. The author studies the basic laws of the formation of such expressions and identifies their structural features. A interlanguage comparative analysis of idiomatic expressions is carried out by comparing their content and form. The material for the analysis was the phraseological foundation of the main European languages, primarily French, English and German. Idiomatic expressions, or, in other words, phraseological units, are defined as stable phrases with independent semantics. Their most important feature is the impossibility of dismembering the whole into its component parts, since the meaning of the phraseological unit is not derived from the meaning of the words contained in it. In this article, the author focused only on those idiomatic expressions, which include ethnonyms (names of nationalities) and toponyms (names of geographic objects).

Keywords: idiomatic expressions; idioms; idioms; toponyms; ethnonyms; oikonoms; buried; urbanonyms; European languages

REFERENCES

1. Gamanenko R.S. (2004). Traktovka ponyatiy «idioma» i «idiomaticnost'» v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy literature. Tom 2. [*Interpretation of the concepts of "idiom" and "idiomatic" in domestic and foreign linguistic literature. Volume 2.*] Inza-Samara: Samara State Pedagogical University – Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
2. Zolotova L.M. (2000). K probleme regul'yarnosti v sfere frazeologicheskoy nominatsii. Frazeologicheskaya sistema nemetskogo i angliyskogo yazykov. [*To the problem of regularity in the field of phraseological nomination. Phraseological system of German and English.*] Moscow: Linguist.
3. Oganisyan N.S. (2016). Onimy v sostave frazeologizmov russkogo yazyka. Issledovatel'skaya rabota. [*Onyma in the composition of Russian phraseology. Research.*] Yerevan: Yerevan State University.
4. Reformatskiy A.A. (2004). Vvedenie v yazykoznanie. Uchebnik dlya vuzov. 5-e izdanie. [*Introduction to linguistics. Textbook for universities. 5th edition.*] Moscow: The Aspect of Press.
5. Reformatskiy A.A. (1965). Pamyati Sergeya Ivanovicha Ozhegova (1900–1964). Vypusk 6. [*In memory of Sergei Ivanovich Ozhegov (1900-1964). Release 6.*] Moscow: Speech Culture Issues.
6. Urazmetova A.V. (2006). Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya toponimov v sostave frazeologicheskikh edinit: na materiale angliyskogo i frantsuzskogo yazykov, avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [*Linguoculturological aspect of the study of toponyms in the composition of phraseological units: on the material of the English and French languages, the dissertation author's abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences.*] Ufa.
7. Dony De Y. (1951). *Lexicon of figurative language*. Buenos Aires: Desclée de Brouwer.
8. Gross M. (1996). *The expressions frozen in French. Compound nouns and other phrases*. Paris: Ophrys.
9. Nikonov N. (2010). *Stereotypes through pictorial expressions with names of nationalities*. Bulgaria: Free University of Burgos.
10. Pégorier A. (2006). Place names in France. Glossary of dialect terms. Paris: IGN, Commission of toponymy.
11. Taylor R., Gottschalk W. (1960). *A German-English Dictionary of Idioms*. München, Hueber.
12. Van Hoof H. (1999). The names of countries, peoples and places in the pictorial language. *The presses of the University of Montreal*, 2(44).